

УДК 94.32 (327)

**РАСПАД АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ ВОЕННОЙ КОАЛИЦИИ НА «ДВА ЛАГЕРЯ»
И НЕМЕЦКИЕ ПИСАТЕЛИ: РОЛЬ МЕЛВИНА ЛАСКИ В ПОСЛЕВОЕННОМ БЕРЛИНЕ**

Б. Бонвеч

**THE BREAK-UP OF THE ANTI-HITLER MILITARY COALITION INTO “TWO CAMPS”
AND GERMAN WRITERS: THE ROLE OF MELVIN LASKY IN POST-WAR BERLIN**

B. Bonwetsch

В статье изучаются причины охлаждения отношений между бывшими союзниками стран антигитлеровской коалиции в ранний послевоенный период на примере первого (и последнего) «Общегерманского конгресса писателей», состоявшегося в Берлине в октябре 1947 г. После того как представители Советского союза на конгрессе осудили Запад, назвав его реакционным и милитаристским, они попросили немецких авторов встать на сторону советского «лагеря дружбы». Однако только Мелвин Ласки был готов «возразить». Он подверг критике советское правительство за жесткое давление на советских ученых и писателей, которые не следовали партийным инструкциям коммунистической партии под эгидой «ждановщины». Эти разногласия еще более увеличили растущую дистанцию между бывшими союзниками в глазах общества. До того момента союзники старались не вовлекать немцев в свои политические разногласия, так как рассматривали их как побежденных и оккупированных противников. Отныне же обе стороны стали привлекать немцев как своих будущих союзников в начавшейся Холодной войне.

The paper deals with the alienation of the former wartime allies from each other in the early post-war period with the example of the first (and last) All-German Writers' Congress in Berlin in October 1947. When Soviet representatives at the Congress condemned the West as reactionary and militaristic and asked the German writers to take side with the Soviet “Camp of Freedom”, it was only Melvin Lasky who was ready to “talk back”. He criticized the Soviet government for harshly disciplining Soviet intellectuals who did not obey to Communist Party instructions under the auspices of the “Zhdanovshchina”. This dispute marked the growing distance between the former allies in public. Until then the allies had tried not to involve the Germans in their political differences and treat them as defeated and occupied enemies. Now both sides started to win the Germans over as future partners in the beginning Cold War.

Ключевые слова: Холодная война, культурная политика, общегерманский конгресс писателей, «возражающий».

Keywords: Cold War, cultural policies, German Writers' Congress of 1947, «talking back».

После победы в войне над Германией и Японией союзники потеряли самое главное, что их объединяло: общего противника. Совместная борьба против двух общих врагов уже с мая и, тем более, с сентября 1945 г. страдала от противоречий, которые были скрыты во время войны, но постепенно проявлялись все сильнее и сильнее. Они были очевидными как в отношениях бывших военных союзников между собой, так и в выступлениях их руководителей. Вехами на пути к углублению расхождений и тем самым к холодной войне, стали такие публичные заявления политических лидеров СССР и США как «предвыборная речь» Сталина от 9 февраля 1946 г., выступление Черчилля о «железном занавесе» от 5 марта 1946 г., провозглашение «доктрины Трумэна» в речи американского президента от 12 марта 1947 г. и доклад Андрея Жданова на конференции в Польше, посвященной созданию Коминформа 22 – 28 сентября 1947 г. Так, Трумэн существенно отошел от рузвельтовского «видения единого мира» и говорил о «двух мирах», Жданов – о «двух лагерях», на которые поделен мир. (*Примеч. авт.: Общие работы о холодной войне см. [18]. Автор сам в течение многих лет пытался осознать, как происходил переход от военного альянса к холодной войне. См. напр.,: [3; 4, с. 230 – 249].*)

Но одно дело – высказать мнение, что с Советами в принципе нельзя вести переговоры из-за идеологических разногласий, как это сделал Джорж Кеннан в своей известной «длинной телеграмме» 22 февраля 1946 г., или, что мир расколот на два лагеря, как сказал министр иностранных дел Вышинский с глазу на глаз своему французскому коллеге Катро в августе

1947 г. [17, р. 284f.]. И совсем другое дело, когда американский президент не только присутствует на выступлении Черчилля с антисоветской речью о «железном занавесе» в Фултоне 5 марта 1946 г., но и сам в том же духе 12 марта 1947 г. обращается к конгрессу с речью «All-Out», которая впоследствии войдет в историю как «доктрина Трумэна».

В той же мере ситуация, когда несколько советских газет критикуют США, отличается от того, что «второй человек» КПСС Андрей Жданов обращается в сентябре 1947 г. с антиамериканской речью к руководителям важнейших европейских коммунистических партий в г. Шрайбергау/Шклярска Поремба. Так же, как и речь Трумэна, его выступление имело программный и сигнальный характер для внешней и внутренней политики. Абстрагироваться от подобных заявлений было бы непросто. Оба заявления стали публичным выражением процессов политико-идеологической переориентации обеих стран.

Традиция разделения мира на два противоположных лагеря существовала и ранее как в США, так и в СССР. Однако во время войны благодаря перспективам союзнических отношений от нее отказались или отодвинули ее на второй план. Теперь же такое идеологически обусловленное видение двухполюсного мира снова вышло на первый план. На этот процесс также оказали влияние изменения в американской политической элите [10; 11, s. 68 – 118]. Можно предположить, что в СССР ситуация обстояла таким же образом, как и в США, но из-за специфических черт режима, восходящих к особенностям сталинского правления, это трудно подтвердить документально (*Прим. авт.: Даже*

тщательный анализ кадровых решений Сталина не может в полной мере выявить связь личности и политики) [11; 12]. Применительно к СССР речь ни в коем случае не идет о единоличном решении оголтелого догматика – Жданова, как это когда-то пытался изобразить американский историк Джон Маккаг [16]. Само собой разумеется, что понятие «двух лагерей» в большей степени возникло при непосредственном участии Сталина. Ведь упомянутое выше выступление Жданова перед коммунистическими лидерами, как стало известно позже, было разработано в ЦК ВКП(б) и с поправками одобрено Политбюро [1, с. 13 – 15].

В этой речи впервые с советской стороны публично было сказано о существовании двух лагерей, образовавшихся после войны, – «антиимпериалистического демократического лагеря под руководством СССР» и «империалистического антидемократического лагеря под предводительством США». Теперь уже речь шла не об отдельных реакционерах или реакционных кругах, которые пытались оказывать влияние на политику, а о реакционности всей внутренней и внешней политики США. С этой новой точки зрения, внутренняя политика США по отношению к прогрессивным классам была репрессивной, а во внешней политике доминировали «неприкрыто агрессивный экспансионистский курс», направленный на «достижение мирового господства американского империализма», «подчинение» или даже «порабощение» Европы посредством «плана Маршалла», гонка вооружений, «подготовка новой империалистической войны» и даже планирование наиболее реакционными представителями «превентивной войны против СССР» с целью извлечь выгоду из временной монополии на атомное оружие [12; 2, с. 16 – 43]. (Прим. авт.: Сравни также с материалами Совещания Коминформа [1, с. 152 – 169]. Жесткая критика со стороны Жданова в адрес итальянских и французских коммунистов из-за их чрезмерного внимания к парламентской тактике, его требование трезво оценивать собственные силы и не переоценивать силы империалистов не вошли в официальный протокол конференции и в опубликованную в 1948 г. версию его выступления [1, с. 297 – 302]). Внешнеполитические планы США уже без каких-либо ограничений сравнивались с аналогичными планами фашистской Германии [4; 5, s. 55 – 66].

Между прочим, в Шрайбергау не присутствовали немецкие коммунисты, так как Москва выработала особое отношение к Германии, несмотря на всю схожесть их подходов к восточноевропейской сфере советского влияния. И Германия, и Австрия, в отличие от всех остальных бывших противников в войне, формально находились в совместном управлении союзников по антигитлеровской коалиции. В качестве единой послевоенной политики в отношении Германии были предусмотрены как принципы «наказания», так и «перевоспитания» немцев в русле демократии (Прим. авт.: Насыщенное новой информацией введение см.: W. Benz (Hg.), *Deutschland unter...* [2; 3]).

Несомненно, наибольшие расхождения во взглядах на содержательные цели «перевоспитания» были у американцев и у русских. Но Контрольный совет и союзническая комендатура в Берлине представляли собой инстанции, которые все же занимались поиском

совместных решений, по крайней мере, минимально возможных, даже если при этом они руководствовались лишь нежеланием брать на себя ответственность за раскол среди союзников или даже раскол Германии.

К достижениям сотрудничества союзников в Германии относилось и то, что они публично не критиковали друг друга и не допускали критики в свой адрес с немецкой стороны. Но и в этом реальность все больше отходила от достигнутых договоренностей, особенно в том, что касалось отношения союзников к критике со стороны немцев. Возрастающий процесс эрозии альянса находил свое отражение и в публичных высказываниях обеих сторон о Германии [13; 19].

Частью этого процесса эрозии можно считать первый и, одновременно, последний Общегерманский конгресс писателей Германии, который проходил в Берлине с 4 по 8 октября 1947 г. Формально конгресс был организован Союзом защиты прав немецких авторов, входивший в объединение профсоюзов восточной зоны – ОСНП. Однако инициатором его проведения выступил Союз деятелей культуры за демократическое обновление Германии (Культурбунд) и Отдел культуры советской военной администрации (СВАГ). Однако по причинам политического характера обе организации не хотели и не должны были выступать в качестве организаторов конгресса.

Культурбунд был создан уже в июне 1945 г. по инициативе СВАГ и уже давно пользовался дурной славой, особенно у американских оккупационных властей, из-за сильных прокоммунистических тенденций и антиамериканских высказываний его ведущих представителей [8; 9]. Недовольство западных военных администраций вылилось сначала в процедурный спор, когда западные союзники потребовали от Культурбунда пройти перерегистрацию в качестве политической организации на основании постановления четырех держав от января 1947 г. Однако из-за различия в правовых позициях дело так и осталось нерешенным [14, p. 384 – 389]. Но советская сторона не хотела, чтобы из-за провокации возникла угроза проведению конгресса, и поэтому Культурбунд действовал лишь на заднем плане.

Общегерманский характер конгресса должны были подчеркнуть мероприятия как минимум в трех из четырех оккупационных секторах Берлина. Тем не менее, было очевидно, что основным местом проведения данного мероприятия станет советский сектор. Наиболее важные заседания прошли в здании «Дейчес театр» в восточном секторе, а торжественное открытие состоялось в театре им. Геббеля в Западном Берлине [7; 8, s. 48]. Собралось около 300 писателей и публицистов. Выступавшие ораторы предприняли попытку сделать выводы из прошлого для творчества писателей, причем как, внешние, так и «внутренние» эмигранты периода нацизма должны были отныне найти общие основания для будущего [14, p. 376].

Уже с самого начала проявлялись различия в позициях основных участников с Востока и Запада, особенно в отношении высказываний тех выступавших, которые вернулись из советской эмиграции, в то время как некоммунистические эмигранты оставались вне конгресса. Второй день работы конгресса добавил в дискуссию дополнительную остроту. Соответствующий тон был задан советскими представителями

на конгрессе, прежде всего в выступлении руководителя отдела культуры информационного управления СВАГ, германиста в ранге подполковника А. Л. Дымшица. Он перенес модель «двух лагерей» на современный мир немецких писателей и потребовал их участия в борьбе «нового и старого, демократии и реакции», причем решающим должно было быть то, что речь теперь шла не о счетах с прошлым, а о различиях в настоящем [7; 8, s. 51; 6; 7].

Советский драматург Всеволод Вишневский выразился во второй день конгресса еще конкретнее и заклеил «черную реакцию» на Западе, которая одержима «идеологией человеконенавистничества и милитаризма». Он также говорил о двух лагерях, на которые поделен мир, лагере реакции и лагере мира, и потребовал от немецких авторов примкнуть к лагерю мира. Советский Союз, утверждал Вишневский, не хочет ничего, кроме мира и свободы, поэтому немецкие писатели должны бороться вместе с ним плечом к плечу. Реакционные силы в Вашингтоне и Лондоне пытаются опустить железный занавес, но Советский Союз не даст себя запугать ни этими попытками, ни атомными бомбами [15, p. 17]. Другой советский делегат, писатель Борис Горбатов, высказался в таком же ключе [7; 8, s. 52].

На эти заявления с советской стороны не поступило никаких возражений от немецких деятелей культуры. Только супруга британского публициста Ева Мария Бейльсфорд, немка по происхождению, сделала критические замечания о политических отношениях в Восточном Берлине [7; 8, s. 52]. Кроме нее Гюнтер Биркенфельд, один из немецких некоммунистических организаторов конгресса, все-таки попытался найти американца или англичанина, который отреагировал бы в своем выступлении на советские выпады. Он нашел такого человека в лице 27-летнего Мелвина Ласки, малоизвестного публициста, работавшего в Берлине корреспондентом нескольких леволиберальных американских газет («New Leader», «Partisan Review»). Уже ночью Ласки подготовил возражения, которые он зачитал на немецком языке 7 октября. В своей речи он в качестве важнейшей задачи каждого писателя, издателя и даже читателя назвал защиту свободы слова во всем мире, как в Америке, так и в Европе. Без нее воцарится рабство. Далее он еще откровеннее заявил о своем понимании позиции советских писателей, которые должны придерживаться линии партии, ведь все их произведения подлежат цензуре и они будут изгнаны, если не станут воспевать пятилетний план [15, p. 17].

Эти слова вызвали волнение в зале. Но ведущий заседание Биркенфельд, который лично позаботился о том, чтобы не заявленный в программе Ласки смог выступить, принял меры, чтобы он сумел закончить свое выступление. Содержательное и откровенное выступление Ласки вызвало овации части зала. Оно сделало конгресс событием в мире культуры и масс-медиа. Представители Советского Союза, которые, за исключением Дымшица, не понимали по-немецки, незамедлительно вступили в полемику после того, как им передали смысл выступления Ласки [15, p. 17]. В ответ на критику Вишневского и Горбатова Ласки, в свою очередь, указал на негативные процессы в советской культуре, искусстве и науке, которые на За-

паде называли «ждановщиной». Он упомянул судьбу Анны Ахматовой и Михаила Зощенко, постоянные притеснения режиссера Сергея Эйзенштейна и критику, которой подвергался философ Георгий Александров, автор «Истории западноевропейской философии» [7; 8, s. 53]. Что касается последнего, то никто, ни Ласки, ни другие некоммунистические участники конгресса, не знали о том, что Александров с 1940 г. возглавлял управление ЦК ВКП(б) по пропаганде и агитации и мало подходил на роль мученика диктатуры (*Прим. авт.: См. описание этого сюжета в книге Gorlizki/Khlevniuk, Cold Peace, p. 35 – 36*).

Высказывания Ласки вызвали активное противодействие с советской стороны. Валентин Катаев полемизировал вечером 7 октября в течение 20 минут с «совершенно неизвестным американским автором», говорил о «воплощенном поджигателе войны», назвал все сказанное «ложью» и не испугался сравнения с пропагандой «покойного д-ра Геббельса» [7; 8, s. 55]. Остальные советские авторы вторили Катаеву и довели свое описание процессов в научной и культурной жизни Советского Союза до гротеска. Офицер от культуры Дымшиц не постеснялся описать Ласки в статье в газете „Tägliche Rundschau“ как «человека с отталкивающей внешнестью», который хочет разжечь новую войну» [7; 8, s. 55].

Речь не идет о том, чтобы детально показать полемику советских, американских и английских авторов на конгрессе, или о том, чтобы опровергнуть и оценить приведенные кем-либо ложные или искаженные факты. Обе стороны вели острую полемику и не были готовы критически взглянуть на собственную страну, однако активно обличали ситуацию в другом государстве. Вероятно, советские участники делали это с не меньшей убежденностью, чем Мелвин Ласки. Разница заключалась в том, что первые, вероятно, делали это не без давления сверху или без опасения последствий в случае их молчания, в то время как американец вступил в дискуссию по собственной почину.

На конгрессе стало очевидным, что холодная война достигла области внутренней политики и сферы культуры обеих мировых систем и отрицательно сказывалась на межгосударственных отношениях. Конечно, не стоит ставить знак равенства между ситуацией в Советском Союзе в период «ждановщины» и обществом в США в период Комитета по антиамериканской деятельности (Committee on Un-American Activities) и Джозефа Маккарти. Однако внутривнутриполитические коллизии в США выглядели относительно мягкими только на фоне «ждановщины». Если рассматривать их в самостоятельном развитии, то они выглядели достаточно пугающими. При этом самым страшным было то, что в основе этих отношений лежало не принуждение со стороны государства, а давление со стороны общества, и при этом оказывалась разрушенная жизнь многих людей. Основное различие между данными процессами заключается в том, что американскому обществу после нескольких лет антикоммунистической «травли собаками», как ее описал, опираясь на источники, Артур Миллер в своей пьесе 1953 г. „The Crucible“, удалось собственными силами освободиться от этого безумия (*Прим. авт.: Немецкий термин „охота на ведьм“, о котором в действительности шла речь у Миллера и под которым вышел пере-*

вод его пьеса в Германии, отражает суть процесса лучше, чем английское словосочетание).

Для ситуации в расколотом Берлине и разделенной Германии было важным, что вражда, возникшая между советскими писателями и американским журналистом, молниеносно высветила поворот в публичных отношениях союзников друг с другом и в их отношении к немцам. Он еще не завершился, но уже в достаточной степени оформился как переход от планировавшейся сторонниками Рузвельта попытки радикального демократического «перевоспитания» немцев совместно с союзниками – к политике «переориентации» немцев на западные, антитоталитарные ценности. Среди них свое место снова должна была найти и либеральная немецкая традиция. Одновременно это был переход к односторонней антикоммунистической политике, которая неизбежно оказалась направленной исключительно на немцев за пределами советской сферы влияния [9; 10, p. 3 – 4].

В немецких СМИ на Западе и Востоке, хотя и упоминался спор, вызванный выступлением Ласки, при освещении конгресса акцент делался не на конфликтах, а на объединяющих моментах. Самому Ласки по окончании конгресса неоднократно приходилось слышать, что его полемика, направленная против Советского Союза, не соответствовала официальной линии американской политики [7; 8, s. 60]. Американские официальные лица в Германии и, соответственно, в Берлине имели различные мнения по этому вопросу. В них отражались имевшие место в самих США споры о послевоенном курсе в отношении Советского Союза и, соответственно, о путях практического разрешения германского вопроса.

Однако старые приверженцы сотрудничества с Советским Союзом, так называемые левые сторонники «нового курса», уже давно сдали свои позиции. Их шаг за шагом устранили с ключевых постов или лишили влияния, как, например, Рут Норден на радиостанции РИАС в Западном Берлине [10; 11, s. 126 – 127]. К этому времени уже с трудом можно было представить себе, чтобы представители оккупационной администрации США ради взаимопонимания с Советами всерьез могли бы поднять вопрос об удалении Ласки из Берлина [7; 8, s. 60; 6, p. 4]. Ведь именно тем, кто хотел изменить этот курс, Ласки казался подходящий кандидатурой для достижения намеченных целей. Ему был присущ не только антикоммунистический, но и антитоталитарный настрой, то есть он был также нетерпимым и по отношению к немцам с нацистским прошлым [9; 10, p. 7]. В США, прежде всего в Нью-Йорке, у него были обширные контакты среди интеллектуалов из числа правых сторонников «нового курса», а в Берлине и, соответственно, в Германии, он общался с такими социал-демократическими политиками, как Эрнст Рейтер, с которым у него были отличные отношения.

Американский военный губернатор генерал Клей и его политический советник Роберт Мерфи прежде всего видели в Ласки орудие явного перевода американской пропаганды от демократической – *Re-education* к антитоталитарной – *Re-orientation*. Американская концепция демократического перевоспитания изначально во многом совпадала с советской концепцией «антифашистского консенсуса», сторонником

которой был и немецкий Культурбунд. Связующим звеном обеих концепций было представление о коллективной вине немцев.

Но еще до писательского конгресса это единодушие все больше и больше терялось из-за изменений внутри США и Советского Союза. И конгресс дал существенный толчок к окончательному разрыву [10; 11, s. 142 – 143].

В последний день его работы, 8 апреля 1947 г., американская администрация поставила Культурбунду ультиматум: в том случае, если он не пойдет на перерегистрацию, его деятельность в американском секторе Берлина будет запрещена с 1 ноября 1947 г. Поскольку соответствующая заявка так и не была подана, запрет вступил в силу. Британский комендант распространил его и на свой сектор Берлина. Незадолго до этого генерал Клей публично заявил, что американская администрация не будет хранить молчание по поводу антиамериканских выпадов в советской оккупационной зоне [14, p. 384]. Отныне ответы будут следовать в том же тоне («Talk Back»). С учетом уменьшающейся готовности обеих сторон избегать конфликтов представляется интересным, что, как показали исследования Анне Хартманн и Вольфрама Эггелинга, Культурбунд хотел подать заявку западным оккупационным властям на перерегистрацию, но этому воспрепятствовала советская администрация [7; 8, s. 41 – 46; 14, p. 384].

Организационно операция «Talk Back» была поручена новой структуре «Political Information Branch». В первую очередь, речь шла о завоевании влияния среди немецких социал-демократов, так как именно они считались главными противниками нацистского режима [10; 11, s. 145 – 148]. Наиболее существенным инструментом для достижения данной цели стало создание журнала «Монат» как претенциозного интеллектуального органа пропаганды. Проект получил конкретные очертания весной 1948 г. Вся содержательная и организационная подготовка легла на плечи Мелвина Ласки, уже проявившего себя выступлением на конгрессе писателей. Внутри американской администрации сохранялись разногласия по этому поводу, поскольку левые сторонники «нового курса» опасались, что антикоммунистическая пропаганда будет мешать переориентации немцев на западные ценности. Но при поддержке Клея и полковника Текстера, возглавлявшего в Берлине ведомство по информационному контролю, была реализована предложенная Ласки концепция журнала. Его первый номер вышел в октябре 1948 г. [10; 11, s. 151 – 153].

Блокада Берлина советскими войсками (25 июня 1948 – 12 мая 1949 гг.) в значительной мере усилила антикоммунистические и антитоталитарные акценты публикации журнала. Кроме того, успех «Моната» был обусловлен участием в нем самого Ласки и широкого круга его друзей и знакомых в Америке и Германии. Конфликт вокруг Университета Фридриха Вильгельма и создание «Свободного Университета» в Западном Берлине в декабре 1948 г. также способствовали утверждению авторитета журнала в интеллектуальной среде [10; 11, s. 155 – 158]. Хотя «Монат» являлся американским органом пропаганды, но среди его авторов были самые разные люди: бывшие коммунисты, буржуазные левые и либералы, католические, протес-

тантские и атеистические деятели – все они публиковались в «Месяце»: Джордж Оруэлл, Артур Кестлер, Франц Боркенау, Манес Шпербер, Рихард Левенталь, Раймонд Арон, Ханна Арендт, Томас Манн, Игнацио Силоне, Ханс Заль, Макс Фриш, Т. С. Элиот, Сол Беллоу, Милован Джилас, Альбер Камю, Жан Поль Сартр, Людвиг Маркузе, Карл Ясперс, Герман Кестен, Вальтер Лакер, Фриц Рене Алеман и многие другие. Журнал фактически стал справочником «Who is Who» в интеллектуальной элите, прежде всего, европейской.

Позже, в середине 60-х годов издание было скомпрометировано просочившейся информацией о том, что его отчасти финансировало ЦРУ. Дотации со стороны ЦРУ осуществлялось только с 1958 г. и можно утверждать, что это не отразилось на качестве материалов. К этому времени Мелвин Ласки переехал в Лондон, где сотрудничал в журнале «Encounter», в финансировании которого также принимало участие ЦРУ

[20]. Хотя это обстоятельство достойно сожаления, не следует забывать, что Мелвин Ласки, сын польско-еврейских эмигрантов в США, был антикоммунистом в силу своего антитоталитарного настроя и задолго до того, как ЦРУ стало финансировать «Монат».

В 1988 г. Ласки вернулся в Берлин и оставался там до конца своих дней. Он все еще живо интересовался послевоенным временем и работой Отдела культуры СВАГ. Так мы и познакомились, хотя общение проходило исключительно по телефону и по переписке. В то время я работал над изданием документов об Управлении информации СВАГ, а он надеялся узнать что-то новое о том, что происходило в те времена вокруг конгресса писателей. К сожалению, я не смог ему помочь, но я сохранил воспоминание о нем как об очень живом и любопытном, в лучшем смысле этого слова, деятеле недавнего прошлого. Он скончался в 2004 г. в возрасте 84 лет.

Литература

1. Адиебеков Г. М. Как готовилось первое совещание Коминформа // Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.
2. Информационная конференция представителей коммунистических партий в Польше в конце сентября 1947 года. М., 1948.
3. Benz W. (Hg.), Deutschland unter alliierter Besatzung 1945 – 1949/55. Berlin, 1999.
4. Bonwetsch B. Kalter Krieg als Innenpolitik. Zu innenpolitischen Bedingungen des Ost-West-Konflikts nach 1945. In: F. Quarthal, W. Setzler (Hg.), Stadtverfassung, Verfassungsstaat, Pressepolitik. Sigmaringen, 1980.
5. Bonwetsch B. Das sowjetische Amerika-Bild. Von der Kriegscoalition zum kalten Krieg 1945 – 1960. In: Hans-Hermann Hertle u. a. (Hg.), Mauerbau und Mauerfall. Ursachen, Verlauf, Auswirkungen. Berlin, 2002.
6. Coleman P. The Liberal Conspiracy. The Congress for Cultural Freedom and the Struggle for the Mind of Post-war Europe. London, 1989.
7. Dymshiz A. L. Ein unvergeßlicher Frühling. Berlin, 1970.
8. Hartmann A. Eggeling W. Sowjetische Präsenz im kulturellen Leben der SBZ und frühen DDR 1945 – 1953. Berlin, 1998.
9. Heider M. Politik-Kultur-Kulturbund. Zur Gründungs- und Frühgeschichte des Kulturbundes zur demokratischen Erneuerung Deutschlands. Köln, 1993.
10. Hochgeschwender M. The Intellectual as Propagandist. Der Monat, the Congress for Cultural Freedom, and the Process of Westernization in Germany. Режим доступа: www.dhi-dc.org/conpotweb/westernpapers/hochgeschwender.pdf
11. Hochgeschwender M. Freiheit in der Offensive? Der Kongreß für kulturelle Freiheit und die Deutschen. München, 1998.
12. Gorzizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace. Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945 – 1953. Oxford, 2004.
13. Koszyk K. Pressepolitik für Deutsche 1945 – 1949. Berlin, 1986.
14. Pike D. The Politics of Culture in Soviet Occupied Germany, 1945 – 1949. Stanford, 1992.
15. Lasky M. Thank you! Thank you! – TIME Magazine, 20.10.1947.
16. McCagg J. Stalin Embattled 1945 – 1948. Detroit, 1978.
17. Rothwell V. Britain and the Cold War 1941 – 1947. London, 1982.
18. Stöver B. Der Kalte Krieg. Geschichte eines radikalen Zeitalters 1947 – 1991. München, 2007.
19. Strunk P. Zensur und Zensoren. Medienkontrolle und Propagandapolitik unter sowjetischer Besatzungsherrschaft in Deutschland. Berlin, 1996.
20. Zur Geschichte des „Monat“: Marko Martin (Hg.), Fenster zur Welt. Die Zeitschrift „Der Monat“ – Beiträge aus vier Jahrzehnten. Weinheim, 2000.

Информация об авторе:

Бонвеч Бернд – доктор исторических наук, профессор, Первый директор Германского исторического института, Москва, bernd@bonwetsch.de.

Bernd Bonwetsch – Doctor of History, Professor, First Director of German Historical Institute, Moscow.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.